

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Гуманитарная экспертиза

СОВРЕМЕННЫЕ ШТАМПЫ И ПРЕДРАССУДКИ
В СУЖДЕНИЯХ О ФИЛОСОФИИ И ГУМАНИТАРНОЙ
КУЛЬТУРЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА*

Н.В. МОТРОШИЛОВА

Предложить некоторые результаты своего исследования акцентированных здесь проблем меня заставляют оживленные, не прекращающиеся и сегодня дискуссии. В них уже определились две главные тенденции. *Первая тенденция* представлена кропотливой исследовательской работой, которая была наиболее интенсивной в XXI в. и выразилась в накоплении *тщательных разработок* одновременно фактически-исторического и теоретико-методологического характера, в частности обращенных к проблематике здесь непосредственно обсуждаемой. Далее ad hoc буду ссылаться на более конкретные результаты, полученные авторами-исследователями, к которым – с теми или иными оговорками, уточнениями – примыкаю в своей работе. (В частности, в контексте предлагаемого далее исследования – с позиций социологии познания – теорий диалога ценными предпосылками были исследовательские произведения признанных современных специалистов, отечественных и зарубежных.)

Что касается специальных проблем такой работы, то уже имеется солидный теоретический задел и, соответственно, консенсус – прежде всего в ответе на вопрос: сохранились ли в составе *признанных* духовных, научных, нравственных *достижений*, переживших свое время, духовные продукты, возникшие и развивавшиеся в нашей стране в советское время?

В целом присоединяюсь к достаточно репрезентативной когорте исследователей, которые не просто утвердительно ответили и отвечают на поставленный вопрос, но именно доказательно, тщательно обосновывают свой положительный ответ.

Слово В.А. Лекторскому, одному из признанных повсеместно, в том числе и за рубежом, лидеров исследовательского крыла *фило-*

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Проблемы диалога в философии, культуре и политике: вызовы XXI века», грант № 14-03-00068а.

софии советского периода (с уточнением — он говорит в основном о послевоенном времени): «В нашей философии в эти годы наряду с догматиками и приспособленцами творили выдающиеся, яркие личности, связанные с культурой России и культурой мировой, с гуманитарным и естественно-научным знанием. Мы только сегодня начинаем понимать и ценить то, что было сделано в эти годы и что сегодня оказывается актуальным»¹. Книга, из которой взяты эти слова, в целом предоставляет многочисленные (со ссылками на сотни произведений и имен) доказательства справедливости высказанного тезиса, в главном совпадающего с приведенной цитатой.

Вторая тенденция, которая возникла в постсоветский период и четко прорисовывается в последнее время, представлена главным образом способами рассуждения и, соответственно «авторами» не исследовательского, а публицистического, скорее «блогерского» типа. Кстати, обсуждать их «работы» — дело неблагодарное для людей, которые привыкли двигаться в поле фактов, доказательств, аргументов, а не броских, эпатажных обличений.

Стереотип № 1: «философия советского периода» отождествляется с «советской философией»

Обращусь к более сложному типу публикаций, которые заслуживают серьезного рассмотрения. Образцом их считаю статью К.А. Свасьяна, который, кстати, оправданно признан как один из авторов, своими работами, написанными *в советское время*, доказавших, что *философом* можно было оставаться и в этот более чем противоречивый исторический период.

Тем более огорчительно, что стереотип № 1, о котором далее пойдет речь, получил закрепление и в его работах. Пример — статья «О советской философии», опубликованная в ранее цитированном превосходном сборнике работ 2014 г. об отечественной философии. При этом некоторые суждения К. Свасьяна считаю вполне здравыми и далее тоже буду их использовать. Но даже в упомянутой (как всегда, яркой по мысли и слову) статье есть высказывания (и, к сожалению, опорные для концепции автора), с которыми трудно согласиться и которые вносят свой вклад в закрепление упомянутого стереотипа № 1, ибо *в терминологии* К. Свасьяна не просто нет места четкому различению «советской философии» и «философии советского периода», но сделано все, чтобы такое различие не появилось (или, появившись, было проигнорировано).

Характерны такие, например, утверждения К. Свасьяна: философией в державе, именуемой Советским Союзом, «было решительно всё»; и сам Советский Союз представлял собой неслыханный проект осуществленной философии².

Коренные вопросы, которые, по моему мнению, здесь должны быть поставлены: а была ли *именно философией* та идеологическая — с «философскими» вставками — мешанина, которую навязывали и в системе партийной учебы, и в высшей школе, и в научных занятиях под видом философии? А то, что в результате было «осуществлено» в Советском Союзе — правомерно ли называть «осуществленной философией»?

Вопреки формулам Свасьяна я (в согласии с *содержанием* исследований немалого числа авторов) решаю утверждать: *то, что Свасьян и другие сторонники подобного мнения в данном случае именуют «философией», философией не было.* (Над более точным обозначением этого идеологического суррогата еще следует поработать.) Отвлечемся пока и от вопроса о том, сколь широки были «массы», которым забивали голову упомянутыми выше дайджестами, и усвоили ли они что-либо философское, чтобы можно было по праву говорить об «осуществленной философии»?

Положение, которое уже сложилось, по-своему парадоксально. Ведь даже те авторы, которые правильно считают, что рассматриваемые суррогаты «советского» идеологического типа философией не были, по навязчивой привычке употребляют ложное, самопротиворечивое клише «советская философия» в виде некоего обобщающего понятия по отношению к принципиально несходным, даже враждебным друг другу феноменам. Но ведь *философия* по самой своей природе не может быть ни «советской», ни «антисоветской», подобно тому, как самопротиворечивы ходячие штампы вроде «советской физики», соответственно математики, химии, биологии и т.д. Они могут иметь лишь один рациональный смысл — когда подразумеваются эти и другие науки, поскольку они развивались *в советское время.*

Разумеется, эти мои утверждения в случае философии верны при условии, что и при советской власти принадлежность *к философии* в сущностном смысле — или, наоборот, непричастность к ней, все же определялись соответственно критериям, складывавшимся веками и *никогда, ни при какой, в том числе советской власти не терявшим, и сегодня не утратившим своего значения.* Ручательство за то, что такие критерии действовали и действуют до сих пор, очень простое: сама работа и отдельных людей, и их сообществ, которые — несмотря на все трудности и препятствия — в целом придерживались норм и принципов философской, и именно исследовательской работы. Сохранялись ли, трудились ли такие люди и их сообщества в советское время? Несомненно, и доказательство их существования — целый массив фактов, сами произведения авторов того времени, и сегодня *сохраняющие свою роль в развитии философии.* Это подтверждается, как сказано, и целым массивом мета-исследований. В частности, в рассматриваемой статье К. Свасьяна есть целые страницы, где речь идет также о *философских* разработках, которые существовали даже в 20 —

30-х гг. При этом автор, прекрасно зарисовав приметы бедственного положения, в котором оказались как раз *профессиональные философы* (как эмигрировавшие, так и оставшиеся в нашей стране), четко запечатлел несомненный факт: несмотря на многообразные общие и частные трудности, которые пришлось преодолевать философам, да и вообще прославленным гуманитариям России в советское время, они оставались *философами* (историками, литературоведами и т.д.) и по призванию, и по выполняемому ими жизненному делу. В числе философов К. Свасьян называет И. Ильина, А. Лосева, Г. Шпета, В. Асмуса. А можно было бы добавить десятки, если не сотни других имен и, соответственно, работ специалистов в философии и других областях того гуманитарного знания, которое не спутаешь ни с какими «псевдо-»...

К. Свасьян достаточно объективен в оценке именно *философии* как дела также и более молодых поколений советского времени. «Нужно вспомнить, — вполне точно свидетельствует он, — славные имена Аверинцева, Лотмана, Щедровицкого, Пятигорского, Мамардашвили, Давыдова, Гайденко и др. (Особняком стоит парадоксальная фигура А.А.Зиновьева...) Это были своеобразные философские окна в Европу на фоне всякого рода спецхранов и запретов... Что здесь среди прочего бросалось в глаза, так это раскованное обращение с текстами классиков и даже вызывающе скудное их цитирование на фоне обильного цитирования других, недоступных авторов» (с. 69). Всё верно.

Иными словами, фактически, при *конкретном* анализе К. Свасьян, опираясь на реальные и легко подтверждаемые факты, все же отделял, отличал — в составе «продукции» *советского периода* — произведения, идеи, фигуры, которые в самом деле *были философскими*, от тех, причисление которых к философии — даже с эпитетом «*советская философия*» — не только неправомерно, но и содержит непримиримое противоречие в самом определении. Однако *на уровне результирующих формулировок*, повторяю, он не провел четко терминологического разграничения, которое напрашивается при анализе всего массива релевантных материалов.

К. Свасьян не отделил свои формулировки от тех, что исполняются хором нынешних *идеологов*, действующих тенденциозно, со стремлением, фигурально выражаясь, закопать (или по-геростратовски сжечь) *все духовное наследие советского периода, включая достаточно развитую профессиональную философию*. А вот чуткие исследователи российской философии на Западе не только заметили это новое исследовательское движение в сторону сбережения, тщательного исследования забытых или ранее неизвестных, однако имевших место фактов, феноменов, но и вполне четко, терминологически грамотно его зафиксировали. Слово профессору университета Турина Даниеле Стейла: «В последнее время *исследование советской философии* или,

как часто предпочитают говорить сегодня, философии в советское время, стало чрезвычайно интересным. В течение десятилетий на Западе было принято считать (исключение – редкие специалисты), что философия в России в советский период пребывала в подавленном состоянии. *Теперь же международному сообществу ученых приходится исследовать богатство и многомерность философии в Советском Союзе во второй половине XX века*³. Обобщение итальянской исследовательницы подтверждено статьями других авторитетных иностранных авторов в той же книге. Это Т. Рокмар, Д. Бэкхёрст (оба пишут о философии Э. Ильенкова), В. Ойтинен. (Вот бы и нашим ораторам, блогерам, рассуждающим об отечественной философии в духе новых «геростратов», обратиться к обширному полю фактов, материалов тоже с исследовательскими, а не с «погромными» целями...).

В унаследованном нами от истории философии, гуманитарных наук советского периода массиве имеются своего рода смешанные результаты, которые требуют специального анализа. Существует, например, такой непростой, требующий специального анализа феномен; его носителей часто называют именно «советскими философами». Считаю: *советскими* их можно именовать по праву. Но были ли они *философами* в строгом смысле слова? Попробуем разобраться.

Официальные «советские философы» – были ли они философами?

«Советское» в деятельности этого круга людей определяется сразу, непосредственно. Правда, и тут требуется предварительное уточнение. Его сделал в своих дневниках (и наверняка, проговаривал в лекциях, докладах, выступлениях Мераб Мамардашвили). Он писал о вопиющем несоответствии уже на уровне титульных государственных обозначений (Союз *Советских* Социалистических республик) – о безвластии, чисто декоративной роли именно *Советов* при *советской* власти! Отвлечемся от этого вообще-то важного аспекта. Согласимся, что термин «советский» – здесь: применительно к некоей аморфной сумме инструкций, требований, их идеологических оснований – предполагал не просто активную защиту существующей государственной власти средствами «идеологии», а попытки «теоретически» обосновать саму идеологию, в том числе и с использованием понятий, ходов мысли, вообще-то почерпнутых из гуманитарного знания, включая философию, но кардинально приспособленных к целям именно этой идеологии.

Перед нами большой массив фактов: особая, «именная» деятельность конкретных людей и ее результаты, а также свидетельства ее поддержки высшей властью (в виде передачи этим конкретным людям властных, контролирующих и подавляющих функций по отношению к философии и т.д.).

Существовал ли «реальный феномен», более всего отвечавший (самопротиворечивому, неверному, как сказано) термину «советская философия»? Согласно с В. Лекторским и другими авторами: «феномен существовал». Но как раз прояснение его показывает, что к существенным характеристикам и критериям *философского* знания и дела его носителей, *философов*, он имеет разве только то отношение, что из стана псевдофилософов на ученых, включая именно *философов* нашей страны, исходили идеологические гонения, проработки, доносы...

Особенности обсуждаемого феномена можно понять на примере академиков Митина, Юдина, Константинова. Он уже достаточно хорошо исследован (хотя разбирать «труды» советских псевдофилософов – неблагодарное, тягостное занятие...).

Самый «сложный» случай – М.Б. Митин, ибо в «произведениях», выходявших под именами Ф.В. Константинова или П.Ф. Юдина, слой «философских оснащений», добытый, как правило, референтами, был настолько тонок и скромн, что и обсуждать тут, в сущности, нечего. А вот некоторые помеченные именем Митина произведения как будто имели отношение к философии. Так, под его именем вышли некоторые Предисловия к томам Собрания сочинений Гегеля. Чем не философия? Но уже доказано, что именно эту часть работы, «приличествующей» академику по философии, выполняли референты, «философские рабы»... причем не всегда безупречно: иногда они беспардонно переписывали и вставляли в работы шефа, в «произведения» *как бы Митина* куски, а подчас и целые опубликованные статьи профессиональных философов.

В обширных материалах, относящихся к деятельности журнала «Вопросы философии» перестроечного периода, разбирался, например, такой доказанный факт плагиата: ленивые референты, видимо, переписали и включили в публикацию под именем Митина отрывки из статьи профессионального философа Гаянэ Тавризян – разумеется, без всяких указаний на украденный оригинал. Вот так и возникали ключья «*философского* содержания!» Но имели место и поистине чудовищные факты (они документально, доказательно представлены в упомянутой серии, относящейся к деятельности «Вопросов философии»). Например, Митиным была опубликована *под его собственным именем* статья, слово в слово повторявшая оказавшуюся в его распоряжении рукопись репрессированного *философа* Стэна (оригинал уже во время перестройки был представлен коллективу журнала вдовой Стэна) – с добавлением единственной «авторской» фразы Митина об антимарксистских, антисоветских взглядах... Стэна, что было сделано в разгар борьбы с «меньшевистствующим» идеализмом.

Самое главное: лишь немногие из тогдашних «академиков» по философии, докторов *философских* наук, руководителей академических учреждений и *философских* факультетов утруждали себя (вернее, своих

референтов) «слишком философскими» темами. Более типичными были другие примеры. Сошлюсь на свои собственные многолетние наблюдения (совпадающие с опытом других коллег — уверена, и самого Свасьяна).

***

Хорошо помню, как все это было...

В 60-х, а в известной мере и в 70-х гг. сложилась противоречивая, в чем-то уродливая, тягостная для *философии* ситуация. Для *философов* старших и средних (теперь) поколений это были годы их становления, выживания с помощью философии и ради философии. Противоречия, пронизавшие всю нашу жизнь в советские годы, как отмечалась, подробно исследованы в соответствующей литературе. В частности, таким исследованием — в свете требований социологии познания, науки, научной истории философии — вплотную занималась и я. И начинала я не с 40 — 50-х гг., когда, по выражению глубокого исследователя, блистательного, высококлассного *философа* А.П. Огурцова, *философия* на одной шестой части земного шара была практически похоронена. Тогда выдающимся умам нашей страны приходилось выживать, чаще всего «писать в стол» или уходить в сопредельные миры знания, культуры.

Что же касается 60-х — 70-х гг., то условия для развития научного, неидеологизированного знания и исследования, оставаясь сложными, противоречивыми, все же *предоставляли возможности (пусть и ограниченные) для появления, развития свободной, творческой (в том числе и философской) мысли*. И она, эта мысль — как всегда было в истории — такие возможности неплохо использовала.

Отсылаю заинтересованных читателей к моей книге «Отечественная философия...», в которой подробно исследованы общие цивилизационные предпосылки для социально-исторического запроса на исследовательскую, а не идеологическую мысль в эпоху развернувшейся научно-технической революции. В ней подробно охарактеризована напряженная антиномия между формальным господством официальной марксистско-ленинской идеологии (с ее частью — *псевдофилософией*) и нарастающим исследовательских тенденций не только в естествознании, точных науках, но и в гуманитарных дисциплинах, включая философию. В моей книге перечислены (сведенные в восемь пунктов) установления, структуры, в силу существования которых философию в СССР мыслили сделать именно «советской» в идеологическом отношении. К слову, здесь я пыталась выполнять требования социологии познания — способствовать конкретному определению тех звеньев, через которые та или иная общественная система защищает, упрочивает свою власть в духовных областях. С их помощью — прав К. Свасьян — мыслилось «осуществить»... Но что? Не философию, ко-

нечно, а именно идеологию, да и то некачественную, халтурную, грубо сколоченную, по крайней мере, внедрить ее в систему образования. Эти попытки увенчались успехом с точки зрения целей идеологов – в том числе и в том смысле, что внедрение халтуры заставило поверить и непосредственных жертв, и последующих невнимательных, а то и тенденциозных наблюдателей, будто целые поколения, были «облечены»... *философией*, что именно философия была (как публично выразился один из нынешних блогеров) «орудием подавления»!

И все-таки наиболее подготовленным людям, погруженным в гуманитарную культуру, в философию, уже тогда, при советской власти, было вполне ясно, что весь громоздкий комплекс, который тогда (и после) неверно именовали (именуют) философией, философией никогда не был и с философией в строгом смысле слова даже не граничил.

Одновременно – в силу сплетения многих исторических обстоятельств, появления целого ряда конкретных механизмов выживания и укрепления гуманитарного знания (некоторые из них будут конкретизированы позже) – в послевоенный период в нашей стране *произошел серьезный поворот к укреплению позиций исследовательской мысли*, а также исследовательских потенциалов гуманитарного знания, философии, в частности, раскрепощения культуры. Когда эти процессы стали заметными именно в философии?

Малоизвестен тот факт, что тенденцию такого поворота чутко подметили за пределами СССР – и парадоксально – в той области, которая специализировалась на «советологии», т.е. разбирала как раз *идеологические продукты, подчас маскировавшиеся под философию*. Слово Г. Веттеру, матерому советологу, который писал уже в середине 60-х гг.: «Необходимо признать, что *специализированная философская литература в СССР за годы после смерти Сталина обнаружила удивительный взлет*. За последние годы между советскими философами были развернуты дискуссии, которые касались множества проблем и *находились на прекрасном уровне*»⁴. Это означало (я и пыталась представить этому подробные доказательства в книге «Отечественная философия...»), что действовала, и более широко, настоятельно, вторая сторона очерченной ранее антиномии. Благодаря ее действию философия, как и вообще гуманитарная наука, исследование в широком смысле, не просто существовали, а оказались способными укреплять свои социальные, творческие, общекультурные позиции. Поскольку вторая сторона антиномии «работала», созданное в этих областях в нашей стране (в частности, благодаря оттепелям, пусть и неполным, непоследовательным) *вливалось в мировой и по самой своей природе исследовательский философский (общегуманитарный) процесс*.

Не хотелось бы повторять уже напечатанные тексты, но читатели должны учесть многие сдвиги социального, духовного характера

(они — тоже предмет исследований социологии познания), например то, что философия 60-х гг. уже начала накапливать *исследовательские структуры* по всей большой стране, где формировались — что важно, не по установлениям властей, а спонтанно, под воздействием самих исследовательских процессов — гуманитарные, в частности, философские школы, центры, в которых эффективно работали новые поколения людей, в своей работе уже подчинившиеся научным, теоретическим, творческим критериям. И ведь их не нужно было изобретать, ибо духовная целостность подлинной науки, культуры, искусства способна хранить их благодаря закону самосохранения сфер духовного, научного труда. В исследованиях последних десятилетий объективно отражены те аспекты деятельности этих новых тогда центров (а также имена, произведения, проблемные разработки), которые имели отношение к сути разбираемых проблем и устремлениям, ценностям вновь формирующихся исследовательских сообществ.

В силу существования и развития таких тенденций сформировались легко обнаруживаемые — казалось бы, приватные, но жизнеспособные — структуры, на которые люди, заинтересованные в развитии гуманитарных наук, включая философию, могли опереться. Разумеется, им пришлось считаться также с противоречивой социальной ситуацией, а подчас учиться пробивать себе исследовательскую дорогу, опираясь на те или иные подвижки социальных оттепелей и мужественно встречая новые идейные заморозки. Каждый из тех, чье становление и развитие совпали с советским периодом, знает обо всем этом не понаслышке.

***

Скажу о собственном опыте. После окончания университета (и уже в дипломной работе о 2-м томе «Логических исследований» Э. Гуссерля, выполненной под руководством В.Ф. Асмуса, и дальше оставшегося моим учителем), найдя тему своей жизни и помыкавшись без работы по специальности, в 1959 г. я поступила в аспирантуру Института философии АН СССР.

То обстоятельство, что немалую часть коллектива Института философии (его советские верхи постоянно квалифицировали как «головное» философское — а мыслили: идеологическое — учреждение) составляли псевдофилософы, не вызывало у нас, тогдашних молодых сотрудников, аспирантов, особого удивления. Однако радостное удивление, помню, вызвал — и на целые десятилетия стал жизненной опорой — другой факт: появилось заметное число людей, которые (пользуясь растущей специализацией философского знания — важнейшей объективной предпосылкой его научности) выбрали своей жизненной целью *профессиональную философию*, а не идеологические суррогаты псевдофилософии, причем эту дорогу они выбрали, в целом

осознавая, в чем ее суть применительно к избранной философской области, и с какими трудностями, порою даже преследованиями она может быть сопряжена при существовании тогдашнего руководящего племени именно «советских» псевдофилософов. А в «головном» Институте философии они в то время как раз и правили бал, правда, с целым рядом жизненно важных уточнений. Так, и «наверху» тоже шла своя борьба. (Говорить о ней в контексте статьи нет возможности.)

Был предпринят ряд попыток «просвещенных», «цивилизованных» (по выражению Мамардашвили) людей из «высоких» инстанций назначить на пост директора ИФ философов (и ими на короткое время становились философ науки Б. Кедров, гносеолог П. Копнин). Но победили «идеологи»: директором был назначен некто Б. Украинцев. Он — за профнепригодностью — был уволен из ЦК. Еще работая там, Украинцев (инженер по профессии) подшустрил защитить докторскую «по философии» — за брошюрку, написанную им (?) вместе с другими двумя подобными ему авторами на тему «Переход количественных изменений в качественные при социализме». Куда можно было назначить такого типичного «советского» псевдофилософа после увольнения из ЦК? Конечно же, директором Института философии! И он, как ржавый гвоздь, восемь лет торчал в нашем институте. Будучи к тому же человеком мрачного, недоброго, подозрительного характера, он портил все, что в его силах было испортить... Кроме того, его директорство по времени совпало с социальными заморозками, с рецидивами сталинизма второй половины 70-х гг. (о них имеется множество свидетельств, в том числе в моей книге). Украинцев преследовал многих из тех, кто уже несомненно принадлежал к когорте глубоких, признанных философов, философов мирового класса. Ему помогали в этом подручные, которых он в Институте назначил на мелкие, но все же «начальственные» административные и партийные посты. Под особый удар в нашем Институте попал Эвальд Ильенков. Представлять Эвальда Ильенкова *как настоящего философа* излишне (Он был, кстати, моим университетским преподавателем. Уже и мы, студенты, отчетливо поняли: на *философском* факультете МГУ, где уровень преподавания *философии* к началу 50-х гг. оставял желать много лучшего, нам повезло учиться у человека с подлинно *философским* умом). Так вот, «Команда» Украинцева не нашла ничего лучшего, как обвинить Ильенкова, убежденного *философа*-марксиста, в... измене марксизму и прочих идейных «грехах». Поскольку в Институте философии к 70-м гг. не просто работали, но уже консолидировались, объединились люди, преданные философии, существовал коллектив, в котором не давали Ильенкова в легкую обиду, Украинцев выписывал из провинции неизвестных идейных громил (вспоминая о персонаже с красноречивой в данном случае фамилией Петух: клевать Ильенкова ему помогали агрессивные добροхоты из наших

сотрудников). Однако никаких административных решений против Ильенкова украинцевской шайке протащить не удавалось. Тем не менее травля философа псевдофилософами не прекращалась. И тогда Эвальд Васильевич сам прервал нить своей жизни...

Когда сегодня слышишь, как ретивые (малограмотные или притворяющиеся неосведомленными) блогеры утверждают: философия была в советское время «орудием подавления», они не могут заставить нас забыть, что в советское время настоящая философия и, соответственно, лучшие философы сами постоянно были объектами подавления. Факты такого рода многочисленны и хорошо известны. «Орудиями» же подавления были, конечно же, не философия и не философы в собственном смысле, а иные, сегодня требующие точного определения структуры, соответственно, представители особых человеческих типов, с их именно репрессирующими функциональными ролями. И первые главные идейные удары — вспомним — были обрушены как раз на профессиональную философию.

Возвращаясь к вопросу о том, можно ли было в самой жизни, на практике отличить одних (философов) от других («советских» псевдофилософов), хочу твердо засвидетельствовать: невозможным было другое — не различать их. Свидетельствую также, что философам того круга, к которому я смолоду имела счастье и везение принадлежать, ни на минуту не приходило в голову рассматривать надзирателей над философией и их подручных как философов, даже если они имели философские степени и звания (а им долгое время было легче получить их, чем действительным философам).

Что осталось сегодня от этой псевдофилософии, соответственно от писаний псевдофилософов, чьи имена когда-то были на слуху, чьи «сочинения» заполняли полки библиотек, чьи документы разного рода директивно рассылались во все (по идее) образовательные и исследовательские учреждения? Перенесемся мыслью в ту пост-советскую эпоху, когда стремительно обрушились все опоры и установления, относящиеся к первой стороне рассмотренной антиномии — и соответственно к судьбе упомянутой «продукции псевдофилософии». Все это исчезло и притом быстро и бесследно! На заре перестройки у Мераба Мамардашвили спросили: что делать с горой псевдофилософской продукции, мгновенно превратившейся в макулатуру? Мамардашвили ответил просто и мудро: ничего не делать; она самоликвидируется. Так и получилось. При этом не потребовалось никаких «судов» и обсуждений, специальных постановлений. Для нас в обсуждаемом аспекте важно то, что «советская» псевдофилософия «естественным образом» канула в лету — и именно потому, что философией не была, хотя и претендовала на это.

Есть более сложный вопрос о том, в какой мере, какие работы профессиональных философов и почему все же пострадали в советское

время, пострадали как по вине цензуры (а она была в каждом издательстве), из-за рутины, особенно устойчивой в отношении идеологических клише, так и по собственной вине каждого из нас. И именно каждый из нас, еще живущих, решает их конкретно. Но по крайней мере тот факт, что немало философов наших дней, пришедших в эту дисциплину в советское время, сегодня могут почти без купюр переиздавать свои «работы разных лет», включая советские годы, убеждает в том, что и в тот период — если брать их работы в главном и целом — они неконъюнктурно занимались именно *философией*.

Важен уже несомненный общий результат: *отечественная философия советского времени не забыта, важна и интересна не только для историков, но и для развития философского знания наших дней*. Фактом является и то, что от советского времени осталось богатое философское — и шире — общегуманитарное наследие, которое, к счастью, в последние десятилетия отечественной истории не только не было предано осуждению и забвению, а сохранено, исследовано и исследуется далее.

О некоторых социальных предпосылках и механизмах, благодаря которым выживали и развивались философия и гуманитарная культура в советское время

Те противоречивые процессы, о которых я до сих пор вела речь, опираясь главным образом на свои разработки, достаточно широко и тщательно рассмотрены в самые последние годы, причем как в отечественной, так и в зарубежной исследовательской литературе. Приведу примеры.

В статье М.Н. Эпштейна «Об основных конфигурациях советской мысли в постсталинскую эпоху» — удачно собраны, акцентированы те стороны развития *мысли в советский период* (а не советской мысли в строгом значении, вопреки авторскому заголовку), которые подтверждают точные слова Фридриха Шлегеля, взятые автором статьи в качестве эпиграфа и относящиеся ко всем сходным историческим эпохам и ситуациям: «Если это настоящая философия, то она, как феникс, всегда возстанет заново из своего пепла»⁵. Представляется удачной периодизация, примененная автором к отечественной истории: 1950 — 1960-е гг. — складывание «предфилософской ситуации» с верным подчеркиванием роли *неформальных кружков и семинаров*; «раздробление официальной марксистской философии (опять клише — *Н. М.*) на ряд школ и направлений, лишь номинально остающихся марксистскими» (с. 75). Опять коробит формула, согласно которой «официальная советская философия» раздробилась на серьезные направления. Ни на что серьезное эта «официальная» и именно «советская философия» не «раздроблялась» и не была к этому способна. Тем не менее считаю удачным также применение к философии России 1960 — 1980-х гг. термина «третье философское пробуждение» (первое

по счету, полагает М.Н. Эпштейн – 20 – 30-е гг. XIX в.; второе – конец XIX – начало XX в.). Верно отмечено, насколько *философское* пробуждение испытывало влияние параллельного по времени, но (сначала) более сильного по влиянию на общественное сознание поэтического взлета. «Уже к концу 1960-х гг. эти поэты стали уступать место властителей дум не другим поэтам, а мыслителям и ученым-гуманитариям, прежде всего представителям Серебряного века, а также современникам – Михаилу Бахтину, Юрию Лотману, Сергею Аверинцеву, Мерабу Мамардашвили... Флоровский отчеканил формулу такого перехода, верную и для 1960-х гг.: “Из поэтического фазиса *русское культурно-творческое сознание* (этот термин – НВ. – Н. М.) переходит в фазис философский”» (с. 76).

Что еще представляется весьма ценным в работе М.Н. Эпштейна, так это само выделение такой рубрики – «Гуманизированный и национализированный марксизм» (с. 77 и далее). Там обобщенно описано в целом продуктивное и вполне *профессиональное философское движение*, представленное именами таких ярких отечественных философов, как Э. Ильенков, Г. Батищев, О. Дробницкий, Ю. Давыдов, Ю. Бородай, Н. Лапин и многие другие. Это побуждает нас кратко остановиться на фиксации, анализе и опровержении еще одного современного идеологического стереотипа, под влиянием которого следование марксизму рассматривается некоторыми авторами как отступление от научных, исследовательских критериев.

Стереотип № 2: марксистская философия – заведомо «отвергаемый историей» феномен

В цитированной ранее статье К. Свасьяна наряду с оправданными констатациями – на мой взгляд (за который опять же *только я* несу ответственность) – просто-таки нагромождены хлесткие утверждения, где именно пристрастия автора к подобным эффектам склоняют его к досадным неточностям. Например, это иронически-уничижительная оценка того движения «назад к Марксу», которое действительно охватило *немалое число профессиональных философов*, живших в СССР. «Все вдруг затосковали по Марксу и потянулись назад к Марксу», – с иронией, переходящей во что-то худшее, пишет К. Свасьян. А дальше обличительно написано о «пандемии марксомании», с чего начался «распад советской философии» (с. 66). В самом деле, разные наши философы, в том числе – в будущем – выдающиеся, когда были совсем молодыми, учились и начинали учить других «по Марксу». Например, на нашем университетском курсе Э. Ильенков вел – очень качественно, вдохновенно, с квалифицированным, талантливым обращением к истории мысли – семинар о философских идеях «Капитала» Маркса. Наиболее продвинутые студенты в то время досконально изучали (на лекциях по научному коммунизму!) диссертацию А. Зиновьева,

посвященную — в логико-методологическом аспекте — тому же Марксову произведению. В своей книге я документально показала, что такие тенденции нашей серьезной философии, пробуждавшейся к исследованию проблем философской теории и методологии, были параллельны аналогичным тенденциям западной философии. Впрочем, К. Свасьян все это движение, распадавшееся на отечественный и западный потоки (нередко и объединявшиеся), оценивает очень жестко: там была, говорит он, «истина моментов», но «неистинным оставалось их целое»; «призрак продолжал экспериментировать, диалектически противопоставляя себе себя другого и мороча голову экспозицией собственных псевдосовместимостей и псевдонепримиримостей» (с. 67). А еще были и такие формулировки: «...марксизм Ильенкова, Библера, Щедровицкого, Мамардашвили, обоих Давыдовых (Василия Васильевича и Юрия Николаевича) — это марксизм “фронтовиков”... Они жили Марксом, боролись Марксом, рисковали из-за Маркса, что вряд ли можно сказать о франкфуртских пройдохах и прочих брехтах и блохах, да и самом Марксе, который не рисовался, говоря, что он не марксист, потому что действительно не был им» (с. 67). К слову, тон обличений К. Свасьяна здесь поразительно напоминает именно советские обличительные «образцы», представленные в зубодробительной «критике буржуазной философии» («мастером» этого жанра был, скажем, Б.Э. Быховский, пожертвовавший своей философской образованностью). Просто поражают такие, с позволения сказать, формулировки: брехты и блохи — с маленькой буквы, «франкфуртские пройдохи» (это про кого? Неужели про Адорно или Хоркхаймера?) У каждого, конечно, свой взгляд и вкус, но ведь и меру надо знать... И ведь вот так, походя, ничтоже сумняшеся Свасьян перечеркнул совокупные усилия, результаты работы многих зарубежных и отечественных философов, писателей над наследием Маркса, совсем не слабого социального мыслителя и, несомненно, выдающегося профессионального философа...

Полагаю, такие сердитые сатирические обличения противоречат по крайней мере двум ясным в своем существе тенденциям.

Первая из них, более поздняя — те сугубо современные линии профессиональной философии, которые акцентировал отнюдь не советский мыслитель, а выдающийся западный философ-новатор Жак Деррида. Он показал, почему «возврат к Марксу» и в философии, и в других социальных дисциплинах (например, в политэкономии) со всей необходимостью происходил в XX в., происходит и еще не раз будет происходить в XXI столетии. «Не читать, не перечитывать и не обсуждать Маркса всегда будет ошибкой. И даже несколькими ошибками — ибо мы имеем в виду не школьное прочтение и не школьную дискуссию... Без Маркса — ничего, никакого будущего» (Я пишу все это, ценя наследие Маркса как философа — например, его работы о

Гегеле, но лично не примыкая, во всяком случае сегодня, к собственно марксистскому философскому лагерю).

Теперь подробнее о второй тенденции, которая у Свасьяна изображена, мягко говоря, неточно. У него получается, что для перечисленных философов 50 – 70-х гг. «марксизм» был чем-то вроде боевого знамени, фронтового одушевления, не только не имевшего содержательного отношения к глубине их творческого философского дела, но и противоречащего ему.

По моему мнению, многие факты, свидетельства и самооценки названных или не упомянутых философов советского времени противоречат подобным заключениям Свасьяна. Скажем, М. Мамардашвили в течение всей своей жизни четко обозначал «марксистскую родословную» главных идей своей философии – и не только в случае явно заимствованной у Маркса концепции «превращенных форм сознания», но даже и применительно к феноменологическому профилю своего более позднего учения о сознании (говоря о том, что у него эти элементы прежде всего определены учением и влиянием Маркса). Блистательная статья Э. Ильенкова об идеальном – истинно, сущностно марксистская. Г. Щедровицкий отмечал, сколь четко и плотно при построении самых специальных разделов своей концепции он исходил из идей Маркса. Об «обоих» Давыдовых, особенно о замечательном *философе* Юрии Николаевиче, и говорить нечего... Надо ли продолжать этот перечень?

Особого обсуждения заслуживали бы те весьма распространенные формулы, причем не только у «советских философов», но также у профессиональных философов-исследователей, в которых полагалось упоминать не просто марксистскую, но и марксистско-ленинскую философию. Надо отметить: к началу 60-х гг. этот штамп в работах философов сделался как бы пропуском для опубликования; и если его не использовал автор, то вписывали бдительные издательские редакторы. (Аналогичным образом обстояло дело с термином «буржуазная философия»...) Если говорить правду, то начинающие тогда философы еще не избегали, как это было в 70-х – 80-х гг., подобных клише. Вместе с тем авторы, и не только самого переднего края нашей философии, постепенно обрели осторожность в употреблении ходячих «советских» штампов, а также преуспели в особой манере цитировать Маркса и говорить о нем вне «ленинизма»...

Поводов для самокритики и у тех, кто начинал и проводил именно философские исследования в советское время, накопилось немало. Сегодня об этом ведутся постоянные дискуссии, участники которых уже достаточно подробно и тщательно работают с различием «советской философии» и «философии советского периода»⁶. Оправдана полемика ряда авторов против *упрощенного дихотомического противопоставления* этих двух специфических целостностей, в реальной жизни,

несомненно, переплетавшихся друг с другом. Вполне правы, по моему мнению, те исследователи, которые акцентировали факты вполне банальные, например те, которые демонстрировали невозможность и для философов-исследователей полностью избежать идеологически-административных установлений, коль скоро они в подавляющем большинстве своем работали в «советских» учреждениях.

Возникает непростой вопрос: каковы основания и критерии отнесения того или иного автора, имеющего работы по философии, к профессиональному философскому сообществу, тем более к философии высокого класса? В ответе на него я солидарна с взвешенными, обоснованными суждениями В.Н. Поруса (его я отношу к лучшим отечественным философам-исследователям последних десятилетий). Прежде всего, присоединяюсь к его неприятию необъективных, а то и разнuzданных обвинений, обычных на сайтах, где, по точному определению Поруса, «вовсю резвятся представители “неформальных объединений” или мыслители-одиночки» и где «много эпатажа, а то и глупости»⁷. В ответе Поруса на сложнейший вопрос – что значит «выяснить *подлинное*, а не конъюнктурное значение того или иного мыслителя?» – полностью согласна с тем, что «абсолютной шкалы» вообще нет и что это относится к любому периоду развития культуры, науки, в частности, философии. Горячо поддерживаю и то, что единственно возможно и настоятельно требуется «*последовательное историко-философское исследование в полном объеме*», как и «*работа по воссозданию аутентичного философского процесса*», и что при этом неверно зачислять все «советское» в «плохое», а «хорошее» – в несоветское. Жаль только, что и этот автор-исследователь, в сущности, без оговорок употребляет ходячий термин «советская философия», хотя в фокусе его анализа со всей очевидностью – именно *философия*, притом в ее наиболее профессиональной части – в виде *философии науки*, которая по определению не могла и не может быть ни советской, ни антисоветской, в то же время будучи философией, возникшей и развивавшейся *в советское время*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лекторский В.А. Философия России второй половины XX в. как социально-культурный феномен // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд. – М.: РОССПЭН, 2014. С. 24.

² Свасьян К.А. О советской философии // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в... С. 59. Далее при цитировании статьи Свасьяна приводятся страницы по этому изданию.

³ Стейла Д. Проблема ответственности и человеческой личности: М.К. Мармашвили и А.А. Зиновьев // Проблемы и дискуссии... С. 435 (курсив мой. – Н. М.).

⁴ Wetter G.A. L'idéologie soviétique contemporaine // Materialisme dialectique et matérialisme historique. T. 1. 1965. P. 10 (курсив мой – Н. М.)

⁵ Эштейн М.Н. Об основных конфигурациях советской мысли в послесталинскую эпоху // Проблемы и дискуссии... С. 73.

⁶ См. статьи В.Н. Поруса, В.А. Лекторского, А.А. Гусейнова, Н.С. Плотникова, М.Ю. Немцева и многих других авторов.

⁷ Порус В.Н. Философия науки как оффшорная зона советской философии // Проблемы и дискуссии... С. 145 (курсив мой. – Н. М.).

REFERENCES

Issues and debates in the philosophy of Russia in the second half of XX century; modern look. Moscow, ROSSPEN [Russian Political Encyclopedia], 2014. 470 p. (in Russian).

Wetter G.A. L'idéologie soviétique contemporaine. *Materialisme dialectique et matérialisme historique*. Т. 1. 1965.

Аннотация

В статье дается оценка развернувшихся недавно в специальной литературе, а также (частично) в блогах дискуссий, посвященных истории философии в советское время. Рассматриваются два главных стереотипа. 1. Автор доказывает, что употребление терминов «советская философия» и «философия советского периода» как эквивалентных – абсурдно. Термин «советская философия» – это «*contradictio in objecto*», потому что философия, которая без сомнения существовала и развивалась в СССР, не была ни «советской», ни «антисоветской». Так называемая «советская псевдо-философия» представляла собой смесь идеологических и квази-философских элементов, служившую средством прямого подавления именно философии и философов советского периода. 2. Второй стереотип – это мнение о том, что исследования и идеи, которые в советское время развивались с ориентацией на философию Маркса (например, в работах Ильенкова, Мамардашвили, Щедровицкого, Давыдова и др.), являются ошибочными и должны быть преодолены в современной философии.

Ключевые слова: философия советского времени, советская «псевдо-философия»; стереотипы в описании и понимании философии советского времени.

Summary

The article dwells on the evaluation of the recent discussions in the special literature, as well (partially) in the “blogs”, devoted to the history of philosophy in soviet époque. Two main stereotypes are under the critical consideration:

1) The usage of the terms “soviet philosophy” and “the philosophy in the soviet age” as the equivalent which the autor is arguing as to be absurd. The term “soviet philosophy” is so cold “*contradictio in objecto*”, because the philosophy in proper sense of world, which without any doubt existed and developed in the USSR, was neither “soviet” nor “anti-soviet”. So cold “soviet pseudo-philosophy” was in its essence a mixture of ideological and quasi-philosophical elements, served as a tool of suppress directed namely against philosophy and philosophers of the soviet age.

2) The second stereotype is the opinion, that the studies and ideas, which in the soviet age were developed with the orientation on Marx’ philosophy (for exemple in the works of Ilienkov, Mamardashvili, Shchedrowitsky, J. Davidov a.o.), were the errors to be overcome in a contemporary philosophy.

Keywords: philosophy of the soviet age; “the soviet philosophy”; the soviet “pseudo-philosophy”, the stereotypes in description and understanding of the philosophy of the soviet time.